

*Моей семье,
а особенно моему отцу, Майклу Томасу,
который поощрял мою любовь к чтению
и в мои детские годы подбадривал меня девизом:
«Просто делай все возможное»*

Дождь.

Такой, что волосы облепляют голову.

Скука.

Такая, что ждешь хоть ЧЕГО-НИБУДЬ.

Чей-то смех.

Такой, что хочется присоединиться.

Хочется понравиться.

Чего бы это ни стоило.

САРА

Фредди должен был уже вернуться.

— В полночь и ни секундой позже, — сказала я. Или, скорее, взмолилась.

На этом мы сошлись после недолгих переговоров, а потом сын умчался в своих нарочно разодранных джинсах, замызганных кроссовках и тонкой белой футболке, на которой красным фломастером было написано: «НЕНАВИЖУ ЭТОТ МИР». И без куртки, хотя на дворе март.

Почему подростки не чувствуют холода?

Я рано задремала, хотя не собиралась, но чутко прислушивалась к звукам. В зависимости от того, как сильно буйствовали у парня почти шестнадцать лет гормоны, он мог либо красться на цыпочках, либо громко топать по лестнице.

Однако сейчас неоновые цифры будильника на прикроватном столике сообщают, что уже 2:53 ночи. Резкий укол страха пронзает мои внутренности. Где же сын? И почему не написал эсэмэс? Я отправляю сообщение: «Ты в порядке?» Ответа, конечно, нет.

Нащупав в темноте тапочки, огибаю коробки с надписью «Главная спальня» и подхожу к деревянной створке окна. Несмотря

ни на что я буду скучать по этому старому дому. Снаружи, на тихой улочке Северного Лондона, фонари льют оранжевый свет в наполненные водой выбоины, которые городской совет обещал заделать «в ближайшее время». Если верить радио, выдалась самая дождливая весна за последние пять лет. Никого не видно. Даже машины не ездят.

Я заползаю обратно под одеяло, размышляя, что же делать. Фредди никогда прежде не приходил так поздно. Не хочу будить Тома, но вдруг что-то случилось? Я наклоняюсь над мужем. Он лежит ко мне спиной, плечи поднимаются и опускаются в ровном крепком сне — под стать его характеру. На нем, разумеется, пижама, как и всегда с тех пор, как мы знакомы. На этой синие и белые полоски. От простыней доносится слабый запах вчерашнего секса, того торопливого секса, который случается у нас на каждую голубую луну, словно мы сами себе доказываем, что нам все еще неплохо вместе.

«Могло быть неплохо, если бы не Фредди».

Чувствуя вину, гоню эту мысль из головы. Нет, я не буду будить Тома. Это лишь вызовет очередную ссору. Кроме того, утром приедут грузчики, закончат сборы и увезут нас. Это наше новое начало. Наш чистый лист. Не хочу все испортить.

Я пытаюсь немного почитать при свете фонарика. Наша комната — последняя в доме, где остались несобранные вещи. Я допоздна па-

ковала коробки и сдалась только из-за

пораньше, чтобы все закончить. Кроме того, это помогает сохранять некоторую нормальность. Я ненавижу ощущение неустроенности, когда дом — вовсе не дом, поскольку стоит полупустой или готовится к переезду. В юности я достаточно намучилась, перевозя свои вещи с места на место, но в этот раз твержу себе: оно того стоит.

Должно стоять. Если это нам не поможет, то и не знаю, на что тогда надеяться.

На моем прикроватном столике рядом с часами лежит неровная стопка из романов, журналов, книг по искусству и антологии поэзии («Цветы других мужчин»), которые обычно меня успокаивают. Со стороны Тома лишь сборник продвинутых кроссвордов. Внутри — надпись: «Папе. Счастливого Рождества. С любовью, Фредди». Мне пришлось подделать почерк, потому что наш сын «не собирался страдать фигней». Пришлось даже самой купить эту несчастную книжку.

Я стараюсь не смотреть на время, поскольку, если не смотреть, Фредди просто вернется и все мои волнения окажутся ерундой. Но ничего не могу с собой поделать.

3:07.

Последние две цифры заставляют почувствовать себя намного хуже, потому что наступил следующий час. От беспокойства шрифт на странице, которую я пытаюсь прочесть, плывет перед глазами.

Внезапно мне делается досадно, что муж крепко спит, пока я паникую. Хотя разве так было не всегда? Он — разумная

и прагматичная половина. А я? Я — та, чье воображение вносит хаос в мысли.

На самом деле неудивительно, учитывая мое прошлое.

— Том, — говорю я, толкая мужа, — Фредди все еще не вернулся.

Он сразу же просыпается. Мой муж из тех, кто свешивает ноги с кровати в ту же секунду, как звонит будильник. Он мгновенно приходит в боевую готовность, словно кто-то внутри него щелкнул переключателем. Мне нужно больше времени, чтобы встретить новый день, предпочтительно обхватив ладонями чашку горячего сладкого чая. Но не с сахаром. Непременно с медом. За последние несколько лет я стала более осторожна в выборе продуктов. Возможно, это признак зрелости.

— Сколько времени? — спрашивает Том.

— Четвертый час. — Мой голос срывается на панический писк. — Он обещал вернуться к полуночи.

— Ха! Этот мальчишка никогда не выполняет своих обещаний.

— Этот мальчишка, — натянута произношу я, отодвигаясь к дальнему краю кровати, — наш сын. У него есть имя.

В темноте раздается фырканье. Тоже гневное.

— Разве он на него откликается? Он вообще ни на что не откликается. Честное слово, Сара, ты бы спустила Фредди и убийство. Как он чему-нибудь научится, если ты не будешь устанавливать границы?

12 Я! Почему это постоянно моя вина?

Кроме того, Фредди любит меня. Ведь все подростки испытывают своих родителей? Это часть обретения независимости.

Я подтыкаю обе свои подушки и откидываюсь назад, мысли о сне как рукой сняло.

— Знаю. Но если мы будем слишком строги с ним, то можем его оттолкнуть, и тогда он закончит как...

Я замолкаю. Между нами повисает тяжелая пауза. Каждый знает, о чем думает другой.

— Если мы будем с ним слишком строги, — повторяю я, — он может взбунтоваться.

Тон Тома — смесь из снисходительности и насмешки.

— Разве не этим он сейчас занимается? Вы договорились о комендантском часе. А он нарушил свое слово. Как и всегда.

— Знаю. Но быть подростком нелегко. Ты должен бы помнить.

— Я помню, но не вел себя так, как он.

«Или как ты».

Последнюю фразу мой муж не произносит. Ему и не нужно. Подтекст налицо, громкий и ясный.

— Ну, мы уже проснулись, — продолжает Том. — Я мог бы ему позвонить.

Позвонить? Фредди расстраивается, когда я так делаю. «Это стремно, я же с друзьями гуляю, — ругается он. — Просто напиши, мам». Но я уже писала, а он не ответил.

Том включает прикроватную лампу, и я прикрываю глаза.

Я гляжу на своего мужа как на незна-

комца: высокий, похожий на сову мужчина с пестрыми волосами и от природы бледным цветом лица ищет свои очки в круглой стальной оправе и мобильный телефон рядом со сборником кроссвордов. Уже не в первый раз задумываюсь о том, как он постарел за последние несколько лет. Как бы то ни было, мы поздно стали родителями и, значит, в среднем старше многих пар на школьных собраниях. Особенно Том. А будь он моложе, относился бы к Фредди с бóльшим пониманием?

Том издает расстроенное ворчание.

— Включается голосовая почта. Так или иначе, с кем он?

Я смотрю на свой телефон на случай, если Фредди написал мне за тот короткий промежуток времени, что прошел с моего последнего взгляда на экран. Но сын не написал.

— С другом.

— Но с каким?

— Не знаю, — признаюсь я, ломая пальцы. — Он мне не сказал.

— Ты должна была его заставить. Или, по крайней мере, узнать номер этого друга.

— Фредди не дал его.

Моя фраза вырывается почти криком. Это правда. Теперь сын очень мало рассказывает мне о своей личной жизни. И никого не приводит в дом с той ночи, когда устроил вечеринку. Совсем не так, как в детстве, когда я была центром его мира. Сейчас он уже почти взрослый. Пятнадцать и три четверти. Почти

14 мужчина. Смутить своего сына-подрост-

ка — одно из худших преступлений, на которое способна мать. Я не хотела его оттолкнуть.

«А что, если ты не вернешься домой?» — сказала я, вспомнив последний раз, когда он остался с одним из этих так называемых приятелей и не предупредил меня. На следующее утро я проснулась в панике и уже собиралась звонить по 999, когда он появился на пороге. Оказалось, они слушали музыку и «заснули».

«Я вернусь», — ответил он. — У меня осталась здесь всего одна ночь. Это вы заставляете меня переехать. Дайте хотя бы разок повеселиться. Хватит волноваться».

Но теперь у меня есть на то причина. Он с тем же неизвестным «приятелем», что и раньше? Или лежит в канаве?

— Я пойду спать, — говорит Том. — У меня остались три часа и пятьдесят минут до подъема на работу.

Верно. Несмотря на переезд, Том ходит на работу как обычно. Он тут же отключается, его дыхание снова становится спокойным. Будто по шелчку пальцев.

Я откидываюсь на подушки и, полузакрыв глаза, размышляю, сколько времени дать Фредди, прежде чем звонить в полицию. Что они сделают, если я позвоню? В нашей зеленой части Северного Лондона домой опаздывают, наверное, сотни подростков. Большинство из них благополучно возвращаются. Но что, если наш мальчик — один из тех, кому не повезло? Допустим, я проснусь под звуки радио, которое сообщит о еще одном зарезанном

подростке. Всего лишь на прошлой неделе один такой попал на первую полосу местной газеты. У него было печальное выражение лица, словно он заранее знал, что умрет. Мне это напомнило стихотворение Йейтса об ирландском летчике, предвидевшем свою смерть. На зернистой фотографии выделялись необычно густые брови, они, казалось, тянулись к взрослой жизни, с которой он уже никогда не встретится.

Внизу раздается лай. Это Джаспер, наш шоколадный лабрадор. Я вскакиваю с кровати, хватаю халат и лечу вниз по лестнице. Кто-то стучит в дверь. Полицейские? Произошел несчастный случай? Фредди попал под машину? Он принял наркотики?

Я открываю дверь, меня трясет. Это он! Несмотря на его внешний вид, мое сердце наполняет облегчение. Сын насквозь промок. Лицо у него растерянное, черные кудри с левой стороны головы слиплись от дождя. Другая сторона коротко острижена — он сам это сделал на прошлой неделе. На сыне джинсовая куртка, которую я раньше не видела.

— Извини, — говорит он, протискиваясь мимо. — Я потерял ключ.

Опять? Уже третий раз в этом году. Придется сказать новым жильцам, хотя они, наверное, все равно захотят сменить замки. Что скажет Том? Я решаю пока ему не говорить. Главное, что наш мальчик дома, цел и невредим.

Облегчение сменяется гневом.

— Ты обещал вернуться вовремя... — начинаю я.

- Я же извинился?
- От тебя несет пивом. Сколько ты выпил?
- Немного.
- Четыре пинты? — нажимаю я.
- Пожалуйста, мама. Отстань.
- Безалкогольного?
- Я сказал, отстань, ладно?

Что-то не так. Фредди выглядит не вызывающе хмурым, как обычно, а беззащитным. Выбитым из колеи. Его темно-карие глаза — зеркальное отражение моих — покраснели. От слез. А он ведь не плакал уже много лет. Даже после той вечеринки.

— Что случилось? — спрашиваю я, но он молча поднимается наверх.

Я иду за ним, однако сын уже в своей комнате, дверь заперта изнутри на защелку. В прошлом году он настоял на том, чтобы ее прикрутить.

— Пожалуйста, милый,пусти меня, — умоляю я.

— Уйди, мама. Я в порядке.

— Откуда у тебя куртка?

— Мне ее одолжили. Она не ворованная, если ты об этом.

В прошлом году произошла история: Фредди вернулся с пластиковой защитой на новых джинсах, на которых все еще была этикетка с ценой. Он утверждал, что продавцы, должно быть, забыли ее снять. «Почему же тогда не сработала сигнализация?» — требовательно спросила я. Это привело к бурной ссоре, во время которой он обвинил меня в недо-

верии. Я отвела его обратно в магазин, и там выяснилось, что действительно он купил джинсы и с них забыли снять защиту. Видимо, сигнализация в тот день не работала.

Я жду некоторое время, умоляя его поговорить со мной, но он не произносит ни звука.

В конце концов я спускаюсь на первый этаж, чтобы выключить свет, а затем проскальзываю в кровать к Тому.

— Фредди вернулся? — бормочет он.

— Да.

Он отворачивается от меня.

— Тогда всё в порядке.

Но это не так. Материнский инстинкт подсказывает мне, что *ничего* не в порядке. Я просто не знаю, что именностряслось.

— Поговорю с ним утром, — добавляет муж.

Через несколько секунд он снова храпит.

Я жду, чтобы убедиться, что он спит. Затем встаю с кровати и на цыпочках направляюсь в спальню Фредди. Дверь открыта. Сына в комнате нет. Мой желудок сводит от паники, но потом Я замечаю свет в ванной. Фредди сидит на краю ванны, на нем все еще мокрая куртка. Она распахнута, и я вижу, что футболка теперь не белая, а красная. На страшную секунду мне чудится, что это кровь, но потом я понимаю, что из-за дождя размазались красные чернила сделанной от руки надписи «НЕНАВИЖУ ЭТОТ МИР».

Слезы текут по его лицу. Он судорожно трясется. Дыхание шумное, хриплое. Я ни-

— Фредди, — шепчу я, подаваясь вперед и обнимая его. Жду, что начнет вырываться, но этого не происходит. — Что случилось?

Нет ответа. Он продолжает рыдать. Я беру его лицо в ладони, хочу заглянуть в глаза и повторяю:

— Что случилось?

Снова жду, что он оттолкнет меня. Со своим обычным подростковым презрением ответит, что это не мое дело. Но вместо этого он съеживается и выдавливает из себя:

— Мама, я кое-кого убил.

— Ты *что*? — шепчу я, по спине пробегает холодок. Перед глазами мелькает лицо молодой женщины.

«Нет! Помогите мне!»

У него испуганные глаза. Как в детстве, когда он впервые получил взыскание и нам пришлось идти разбираться в школу. Но это куда хуже. Этого просто быть не может.

— Я кое-кого убил, — повторяет он.

«Нет! Эмили!»

Я так потрясена, что не могу говорить. Мои мысли мечутся в тумане.

Он не мог этого сделать. Только не мой милый, нежный мальчик, которого я так старалась зачать. Да, конечно, у него сейчас сложный период. Как у большинства подростков. Но убийство? Холодное умышленное лишение жизни? Только не мой Фредди.

Затем он смотрит над моим плечом. И что-то видит. Я оборачиваюсь. В дверях Том.

— Кого-то убил? — повторяет муж. 19

Его глаза сверкают гневом. Ужасом. Отвращением. Он протискивается мимо меня и хватается Фредди за воротник мокрой куртки, пытается оторвать сына от земли. — Что ты, черт возьми, имеешь в виду?

— Не трогай его! — кричу я.

— Тогда ему лучше, черт возьми, объяснить, что происходит, — отвечает Том.

— Я не могу, — всхлипывает Фредди.

— Нет, можешь! — рычит Том, отталкивая его. Мой муж всегда был строгим родителем, но таким его я никогда не видела. Кулаки подняты. Шея напряжена. Я инстинктивно двигаюсь, чтобы встать между сыном и мужем.

Лицо Фредди багровеет. От гнева или боли? Трудно понять.

— Я же сказал, что не могу рассказать! — кричит он.

— Но ты должен! — повышаю голос и я. — В молчании нет смысла.

— Это потому, что он лжет. Разве ты не видишь, Сара?

— Это так, Фредди? — умоляю я. — Просто скажи нам правду. Мы поможем тебе справиться.

Фредди бросает на меня взгляд. Его неподвижные черты искажает мука. А еще ненависть.

— Мы? — повторил он. — Не думаю, что отец поможет мне пройти через это.

У Тома лицо как кремьнь.

— Я не помогаю тем, кто нарушает закон.

— Даже собственному сыну? — спрашивает

20 вает Фредди.

Я смотрю на двух главных мужчин своей жизни, переводя взгляд с одного на другого. Все это кажется нереальным. Словно кино.

— Даже собственному сыну, — повторяет мой муж. — Если не скажешь, что именно ты сделал, я тебя сдам.

Том направляется к двери.

— Ты куда? — спрашиваю я, заранее зная ответ.

— А ты как думаешь? Звонить в полицию.

Фредди начинает выть точно зверь. Внизу сочувственно откликается Джаспер.

В полицию? Мое сердце бьется о грудину, удары становятся громче и сильнее, будто внутри меня целая клетка бабочек с железными крыльями и они рвутся на волю.

«Помогите!»

— Нет, — кричу я, хватая Тома за рукав пижамы. — Не сейчас.

Муж пристально смотрит на меня. Словно тоже гадает, кто перед ним, как недавно думала о нем я.

— Сара, — медленно произносит он, обращаясь ко мне точно к ребенку, которому нужно разъяснить нечто элементарное, — разве ты не понимаешь? Только это и нужно сделать.

Но это не так.

Я не допущу.

Это не может повториться снова.

Не с моим мальчиком. Не с моим драгоценным единственным сыном. Я сделаю все для его спасения. Абсолютно все.